

ГЛАВА I.

Наконецъ я возвратился изъ моей двухнедѣльной отлучки. Наши уже три дня, какъ были въ Рулетенбургѣ. Я думалъ, что они и Богъ знаютъ какъ ждутъ меня, однакожь ошибся. Генераль смотрѣлъ чрезвычайно независимо, поговорилъ со мной свысока и отослалъ меня къ сестрѣ. Было ясно, что они гдѣ нибудь перехватили денегъ. Мнѣ показалось даже, что генералу нѣсколько совѣстно глядѣть на меня. Марья Филипповна была въ чрезвычайныхъ хлопотахъ и поговорила со мною слегка; деньги однакожь приняла, сосчитала и выслушала весь мой рапортъ. Къ обѣду ждали Мезенцова, французика и еще какого-то англичанина; какъ водится, деньги есть, такъ тотчасъ и званый обѣдъ; по-московски. Полина Александровна, увидѣвъ меня, спросила: что я такъ долго? и не дождавшись отвѣта, ушла куда-то. Разумѣется, она сдѣлала это нарочно. Намъ однакожь надо объясниться. Много накопилось.

Мнѣ отвели маленькую комнатку, въ четвертомъ этажѣ отеля. Здѣсь извѣстно, что я принадлежу къ *свитѣ генерала*. По всему видно, что они успѣли-таки дать себя знать. Генерала считаютъ здѣсь всеѣ богатѣйшимъ русскимъ вельможей. Еще до обѣда, онъ успѣлъ, между другими порученіями, дать мнѣ два тысячефранковыхъ билета размѣнять. Я размѣнялъ ихъ въ конторѣ отеля. Теперь на насъ будутъ смотрѣть, какъ на миллионеровъ, по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Я хотѣлъ было взять Мишу и Надю и пойти съ ними гулять; но съ лѣстницы меня позвали къ генералу; ему заблагоразсудилось освѣдомиться, куда я ихъ поведу? Этотъ человѣкъ рѣшительно не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; онъ бы и очень хотѣлъ, но я каждый разъ отвѣчаю ему такимъ пристальнымъ, т. е. непочтительнымъ взглядомъ, что онъ какъ будто конфузится. Въ весьма напыщенной рѣчи, насаживая одну фразу на другую, и, наконецъ, совсѣмъ запутавшись, онъ далъ мнѣ понять, чтобы я гулялъ съ дѣтьми гдѣ нибудь, подальше отъ воксала, въ паркѣ. Наконецъ онъ разсердился совсѣмъ и круто прибавилъ: «А то вы пожалуй ихъ въ воксаль, на рулетку, поведете. Вы меня извините, прибавилъ онъ, но я знаю, вы еще довольно легкомысленны, и способны, пожалуй, играть. Во всякомъ случаѣ, хоть я и не менторъ вашъ, да и роли такой на себя брать не желаю, но, по крайней мѣрѣ, имѣю право пожелать, чтобы вы, такъ сказать, меня-то не окомпрометировали...»

— Да вѣдь у меня и денегъ нѣтъ, отвѣчалъ я спокойно; — чтобы проигратъся, нужно ихъ имѣть.

— Вы ихъ немедленно получите, отвѣтилъ генералъ, покраснѣвъ немного, порылся у себя въ бюро, справился въ книжкѣ и оказалось, что за нимъ моихъ денегъ около 120 рублей.

— Какъ-же мы сосчитаемся, заговорилъ онъ, надо переводить на талеры. Да вотъ возьмите 100 талеровъ, круглымъ счетомъ, — остальное, конечно, не пропадетъ.

Я молча взялъ деньги.

— Вы пожалуста не обижайтесь моими словами, вы такъ обидчивы... Если я вамъ замѣтилъ, то я, такъ сказать, васъ предостерегъ, и ужь, конечно, имѣю на то нѣкоторое право...

Возвращаясь предъ обѣдомъ съ дѣтьми домой, я встрѣтилъ цѣлую кавалькаду. Наши ѣздили осматривать какія-то развалины. Двѣ превосходныя коляски, великолѣпныя лошади! Mademoiselle Blanche въ одной коляскѣ съ Марьей Филипповной и Полиной; французикъ, англичанинъ и нашъ генералъ верхами. Прохожіе останавливались и смотрѣли; эффектъ былъ произведенъ; только генералу не одобровать. Я рассчиталъ, что съ четырьмя тысячами франковъ, которыя я привезъ, да прибавивъ сюда то, что они очевидно успѣли перехватить, у нихъ теперь есть семь или восемь тысячъ франковъ; этого слишкомъ мало для m-lle Blanche.

M-lle Blanche стоитъ тоже въ нашемъ отелѣ, вмѣстѣ съ матерью; гдѣ-то тутъ-же и нашъ французикъ. Лакеи называютъ его «M-r le comte», мать, M-lle Blanche, называется «m-me la comtesse»; чтожъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, они comte et comtesse.

Я такъ и зналъ, что m-r le comte меня не узнаетъ, когда мы соединимся за обѣдомъ. Генералъ, конечно, и не подумалъ бы насъ знакомить или хоть меня ему отрекомендовать; а m-r le comte самъ бывалъ въ Россіи и знаетъ, какъ не велика птица — то, что они называютъ *outchitel*. Онъ, впрочемъ, меня очень хорошо знаетъ. Но, признаться, я и къ обѣду-то явился непрошеннымъ; кажется, генералъ позабылъ распорядиться, а то бы навѣрно послалъ меня обѣдать за table d'hôt'омъ. Я явился самъ, такъ что генералъ посмотрѣлъ на меня съ неудовольствиемъ. Хорошая Марья Филипповна тотчасъ же указала мнѣ мѣсто; но встрѣча съ мистеромъ Астлеемъ меня выручила и я, поневолѣ, оказался принадлежащимъ къ ихъ обществу.

Этого страннаго англичанина я встрѣтилъ сначала въ Пруссіи, въ вагонѣ, гдѣ мы сидѣли другъ противъ друга, когда я догонялъ нашихъ; потомъ я столкнулся съ нимъ въѣзжая во Францію, наконецъ въ Швейцаріи; въ теченіе этихъ двухъ недѣль два раза — и вотъ теперь я вдругъ встрѣтилъ его уже въ Рулетенбургѣ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ чловѣка болѣе застѣнчиваго; онъ застѣнчивъ до глупости и самъ,

конечно, знаетъ объ этомъ, потому что онъ вовсе не глупъ. Впрочемъ онъ очень милый и тихій. Я заставилъ его разговариваться при первой встрѣчѣ въ Пруссіи. Онъ объявилъ мнѣ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Нордъ-Капъ и что весьма хотѣлось ему быть на Нижегородской ярмаркѣ. Не знаю, какъ онъ познакомился съ генераломъ; мнѣ кажется, что онъ безпредѣльно влюбленъ въ Полину. Когда она вошла, онъ вспыхнулъ, какъ зарево. Онъ былъ очень радъ, что за столомъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и кажется уже считаетъ меня своимъ закадычнымъ другомъ.

За столомъ французикъ тонировалъ необыкновенно; онъ со всѣми небреженъ и важенъ. А въ Москвѣ, я помню, пускалъ мыльные пузыри. Онъ ужасно много говорилъ о финансахъ и о русской политикѣ. Генералъ иногда осмѣливался противорѣчить, — но скромно, единственно на столько, чтобъ не уронить окончательно своей важности.

Я былъ въ странномъ настроеніи духа; разумѣется, я еще до половины обѣда успѣлъ задать себѣ мой обыкновенный и всегдашній вопросъ: «зачѣмъ я валандаюсь съ этимъ генераломъ и давнымъ давно не отхожу отъ нихъ?» Изрѣдка я взглядывалъ на Полину Александровну; она совершенно не примѣчала меня. Кончилось тѣмъ, что я разозлился и рѣшился грубить.

Началось тѣмъ, что я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, громко и безъ спросу ввязался въ чужой разговоръ. Мнѣ, главное, хотѣлось поругаться съ французикомъ. Я оборотился къ генералу и вдругъ совершенно громко и отчетливо и, кажется, перебивъ его, замѣтилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ русскимъ почти совсѣмъ нельзя обѣдать въ отеляхъ за табль-д'отами. Генералъ устремилъ на меня удивленный взглядъ.

— Если вы человѣкъ себя уважающій, пустился я далѣе, — то непременно напроситесь на ругательства, и должны выносить чрезвычайные щелчки. Въ Парижѣ и на Рейнѣ, даже въ Швейцаріи, за табль-д'отами такъ много полячишекъ и имъ сочувствующихъ французиковъ, что нѣтъ возможности вымолвить слова, если вы только русскій.

Я проговорилъ это по-французски. Генералъ смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, не зная, разсердиться ли ему, или только удивиться, что я такъ забылся.

— Значить васъ кто нибудь и гдѣ нибудь проучилъ, сказалъ французикъ небрежно и презрительно.

— Я въ Парижѣ сначала поругался съ однимъ полякомъ, отвѣтилъ я, — потомъ съ однимъ французскимъ офицеромъ, который поляка поддерживалъ. А затѣмъ ужъ часть французовъ перешла на мою сторону, когда я имъ рассказалъ, какъ я хотѣлъ плюнуть въ кофе монсиньора.

— Плонуть? спросил генералъ съ важнымъ недоумѣніемъ, и даже осматриваясь. Французикъ оглядывалъ меня недовѣрчиво.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ я. Такъ какъ я цѣлыхъ два дня былъ убѣжденъ, что придется, можетъ быть, отправиться по нашему дѣлу на минутку въ Римъ, то и пошелъ въ канцелярію посольства святѣйшаго отца въ Парижѣ, чтобъ визировать паспортъ. Тамъ меня встрѣтилъ аббатикъ, лѣтъ пятидесяти, сухой и съ морозомъ въ фізіономіи, и выслушавъ меня вѣжливо, но чрезвычайно сухо, просилъ подождать. Я хоть и спѣшилъ, но, конечно, сѣлъ ждать, вынулъ «Opinion nationale» и сталъ читать страшнѣйшее ругательство противъ Россіи. Между тѣмъ я слышалъ, какъ чрезъ сосѣднюю комнату кто-то прошелъ къ монсиньору; я видѣлъ, какъ мой аббатъ раскланивался. Я обратился къ нему съ прежнею просьбою; онъ еще суше попросилъ меня опять подождать. Немного спустя вошелъ кто-то еще незнакомый, но за дѣломъ, — какой-то австріецъ; его выслушали и тотчасъ же проводили на верхъ. Тогда мнѣ стало очень досадно; я всталъ, подошелъ къ аббату и сказалъ ему рѣшительно, что такъ какъ монсиньоръ принимаетъ, то можетъ кончить и со мною. Вдругъ аббатъ отшатнулся отъ меня съ необычайнымъ удивленіемъ. Ему просто непонятно стало, какимъ это образомъ смѣетъ ничтожный русскій равнять себя съ гостями монсиньора? Самымъ нахальнымъ тономъ, какъ бы радуясь, что можетъ меня оскорбить, обмѣрилъ онъ меня съ ногъ до головы и вскричалъ: — «Такъ неужели-жъ вы думаете, что монсиньоръ броситъ для васъ свой кофе?» Тогда и я закричалъ, но еще сильнѣе его: — «Такъ знайте-жъ, что мнѣ наплевать на кофе вашего монсиньора! Если вы сію же минуту не кончите съ моимъ паспортомъ, то я пойду къ нему самому».

— «Какъ! въ то время, когда у него сидитъ кардиналъ!» закричалъ аббатикъ, съ ужасомъ отъ меня отстраняясь, бросился къ дверямъ и разставилъ крестомъ руки, показывая видъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ меня пропуститъ.

Тогда я отвѣтилъ ему, что я еретикъ и варваръ, «que je suis hérétique et barbare», и что мнѣ всѣ эти архіепископы, кардиналы, монсиньоры и проч. и проч. — все равно. Однимъ словомъ, я показалъ видъ, что не отстану. Аббатъ поглядѣлъ на меня съ безконечною злобою, потомъ вырвалъ мой паспортъ и унесъ его на верхъ. Чрезъ минуту онъ былъ уже визированъ. Вотъ-съ, не угодно ли посмотреть? — Я вынулъ паспортъ и показалъ римскую визу.

— Вы это, однако-же, началъ было генералъ...

— Васъ спасло, что вы объявили себя варваромъ и еретикомъ, замѣтилъ усмѣхаясь французикъ. «Cela n'était pas si bête».

— Такъ неужели смотрѣть на нашихъ русскихъ? Они сидятъ здѣсь — пикнуть не смѣютъ и готовы, пожалуй, отречься отъ того, что они русскіе. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ моемъ отелѣ со мною стали обращаться гораздо внимательнѣе, когда я всемъ разсказалъ о моей дракѣ съ аббатомъ. Толстый польскій панъ, самый враждебный ко мнѣ человѣкъ за табль-д'отомъ, стушевался на второй планъ. Французы даже перенесли, когда я разсказалъ, что года два тому назадъ видѣлъ человѣка, въ котораго французскій егеръ, въ двѣнадцатомъ году, выстрѣлилъ — единственно только для того, чтобъ разрядить ружье. Этотъ человѣкъ былъ тогда еще десятилѣтнимъ ребенкомъ и семейство его не успѣло выѣхать изъ Москвы.

— Этого быть не можетъ, вскипѣлъ французикъ, — французскій солдатъ не станетъ стрѣлять въ ребенка!

— Между тѣмъ это было, отвѣчалъ я. Это мнѣ разсказалъ почтенный отставной капитанъ, и я самъ видѣлъ шрамъ на его щекѣ отъ пули.

Французъ началъ говорить много и скоро. Генералъ сталъ было его поддерживать, но я рекомендовалъ ему прочесть, хоть напимѣрѣ, отрывки изъ «Записокъ» генерала Перовскаго, бывшаго въ двѣнадцатомъ году въ плѣну у французовъ. Наконецъ Марья Филипповна о чемъ-то заговорила, чтобъ перебить разговоръ. Генералъ былъ очень недоволенъ мною, потому что мы, съ французомъ, уже почти начали кричать. Но мистеру Астлею мой споръ съ французомъ, кажется, очень понравился; вставая изъ-за стола, онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ рюмку вина. Вечеромъ, какъ и слѣдовало, мнѣ удалось съ четверть часа поговорить съ Полиной Александровной. Разговоръ нашъ состоялся на прогулкѣ. Всѣ пошли въ паркъ къ воксалу. Полина сѣла на скамейку противъ фонтана, а Наденьку пустила играть недалеко отъ себя съ дѣтьми. Я тоже отпустилъ къ фонтану Мишу, и мы остались наконецъ одни.

Сначала начали, разумѣется, о дѣлахъ. Полина просто разсердилась, когда я передалъ ей всего только семьсотъ гульденовъ. Она была увѣрена, что я ей привезу изъ Парижа, подъ залогъ ея брилліантовъ, по крайней мѣрѣ двѣ тысячи гульденовъ, или даже болѣе.

— Мнѣ, во чтобы ни стало, нужны деньги, сказала она, — и ихъ надо добыть; иначе, я просто погибла.

Я сталъ разспрашивать о томъ, что сдѣлалось въ мое отсутствіе.

— Больше ничего, что получены изъ Петербурга два извѣстія: сначала, что бабушкѣ очень плохо, а черезъ два дня, что, кажется, она уже умерла. Это извѣстіе отъ Тимоѳея Петровича, прибавила Полина, — а онъ человѣкъ точный. Ждемъ послѣдняго, окончательнаго извѣстія.

- И такъ, здѣсь всѣ въ ожиданіи? спросилъ я.
- Конечно: всѣ и все; цѣлые полгода на одно это только и надѣялись.
- И вы надѣетесь? спросилъ я.
- Вѣдь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица. Но я знаю навѣрно, что она обо мнѣ вспомнить въ завѣщаніи.
- Мнѣ кажется, вамъ очень много достанется, сказалъ я утвердительно.
- Да, она меня любила; но почему вамъ это кажется?
- Скажите, отвѣчалъ я вопросомъ, — нашъ маркизъ кажется тоже посвященъ во всѣ семейныя тайны?
- А вы сами къ чему объ этомъ интересуетесь? спросила Полина, поглядѣвъ на меня сурово и сухо.
- Еще бы; если не ошибаюсь, генераль успѣлъ уже занять у него денегъ.
- Вы очень вѣрно угадываете.
- Ну, такъ далъ ли бы онъ денегъ, если бы не зналъ про бабуленьку? Замѣтили ли вы, за столомъ: онъ раза три, что-то говоря о бабушкѣ, назвалъ ее бабуленькой: «*la baboulinka*». Какія короткія и какія дружественныя отношенія!
- Да, вы правы. Какъ только онъ узнаетъ, что и мнѣ что нибудь по завѣщанію досталось, то тотчасъ же ко мнѣ и посватается. Это, что ли, вамъ хотѣлось узнать?
- Еще только посватается? Я думалъ, что онъ давно сватается.
- Вы отлично хорошо знаете, что нѣтъ! съ сердцемъ сказала Полина. Гдѣ вы встрѣтили этого англичанина? прибавила она послѣ минутнаго молчанія.
- Я такъ и зналъ, что вы о немъ сейчасъ спросите.
- Я рассказалъ ей о прежнихъ моихъ встрѣчахъ съ мистеромъ Астлеемъ по дорогѣ. — Онъ застѣнчивъ и влюбчивъ, и ужъ конечно влюбленъ въ васъ?
- Да, онъ влюбленъ въ меня, отвѣчала Полина.
- И ужъ конечно онъ въ десять разъ богаче француза. Что, у француза дѣйствительно есть что нибудь? Не подвержено это сомнѣнію?
- Не подвержено. У него есть какой-то *château*. Мнѣ еще вчера генераль говорилъ объ этомъ рѣшительно. Ну, что, довольно съ васъ?
- Я бы, на вашемъ мѣстѣ, непремѣнно вышла за мужъ за англичанина.
- Почему? спросила Полина.
- Французъ красивѣе, но онъ подлѣе; а англичанинъ, сверхъ того что честенъ, еще въ десять разъ богаче, — отрѣзалъ я.

— Да; но за то французъ маркизъ — и умнѣе, — отвѣтила она наиспокойнѣйшимъ образомъ.

— Да вѣрно ли? продолжалъ я по прежнему.

— Совершенно такъ.

Полинѣ ужасно не нравились мои вопросы и я видѣлъ, что ей хотѣлось разозлить меня тономъ и дикостію своего отвѣта; я объ этомъ ей тотчасъ же сказалъ.

— Что-жъ, меня дѣйствительно развлекаетъ, какъ вы бѣситесь. Уже за одно то, что я позволяю вамъ дѣлать такіе вопросы и догадки, слѣдуетъ вамъ расплатиться.

— Я дѣйствительно считаю себя въ правѣ дѣлать вамъ всякіе вопросы, отвѣчалъ я спокойно — именно, потому что готовъ какъ угодно за нихъ расплатиться, и свою жизнь считаю теперь ни во что.

Полина захохотала:

— Вы мнѣ въ послѣдній разъ, на Шлангенбергѣ, сказали, что готовы по первому моему слову броситься внизъ головою, а тамъ, кажется, до тысячи футовъ. Я когда нибудь произнесу это слово, единственно затѣмъ, чтобъ посмотрѣть, какъ вы будете расплачиваться, и ужъ будьте увѣрены, что выдержу характеръ. Вы мнѣ ненавистны, — именно тѣмъ, что я такъ много вамъ позволила, и еще ненавистнѣе тѣмъ, что такъ мнѣ нужны. Но покамѣстъ вы мнѣ нужны — мнѣ надо васъ беречь.

Она стала вставать. Она говорила съ раздраженіемъ. Въ послѣднее время она всегда кончала со мною разговоръ со злобою и раздраженіемъ, съ настоящею злобою.

— Позвольте васъ спросить, что такое m-lle Blanche? спросилъ я, не желая отпустить ее безъ объясненія.

— Вы сами знаете, что такое m-lle Blanche. Больше ничего съ тѣхъ поръ не прибавилось. M-lle Blanche навѣрно будетъ генеральшей, — разумѣется, если слухъ о кончинѣ бабушки подтвердится, потому что и m-lle Blanche, и ея матушка, и троюродный cousin-маркизъ, — всѣ очень хорошо знаютъ, что мы разорились.

— А генераль влюбленъ окончательно?

— Теперь не въ этомъ дѣло. Слушайте и запомните: возьмите эти семьсотъ флориновъ и ступайте играть, выиграйте мнѣ на рулеткѣ сколько можете больше; мнѣ деньги, во чтобы ни стало, теперь нужны.

Сказавъ это, она кликнула Наденьку и пошла къ вокзалу, гдѣ и присоединилась ко всей нашей компаніи. Я же свернулъ на первую попавшуюся дорожку влѣво, обдумывая и удивляясь. Меня точно въ голову ударило послѣ приказанія идти на рулетку. Странное дѣло: мнѣ было о чемъ раздуматься, а между тѣмъ я весь погрузился въ анализъ

ощущеній моихъ чувствъ къ Полинѣ. Право, мнѣ было легче въ эти двѣ недѣли отсутствія, чѣмъ теперь, въ день возвращенія, хотя я, въ дорогѣ, и тосковалъ какъ сумасшедшій, метался, какъ угорѣлый и даже во снѣ поминутно видѣлъ ее предъ собою. Разъ (это было въ Швейцаріи), заснувъ въ вагонѣ, я кажется заговорилъ вслухъ съ Полиной, чѣмъ разсмѣшилъ всѣхъ сидѣвшихъ со мной проѣзжихъ. И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю ли я ее? И еще разъ не сѣмѣлъ на него отвѣтить, т. е., лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты, (а именно, каждый разъ при концѣ нашихъ разговоровъ), что я отдалъ бы полъ-жизни, чтобъ задушить ее! Клянусь, если-бъ возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святаго, если бы, на Шлангенбергѣ, на модномъ пуантѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ. Я зналъ это. Такъ или эдакъ, но это должно было разрѣшиться. Все это она удивительно понимаетъ, и мысль о томъ, что я вполне вѣрно и отчетливо сознаю всю ея недоступность для меня, всю невозможность исполненія моихъ фантазій, — эта мысль, я увѣренъ, доставляетъ ей чрезвычайное наслажденіе; иначе могла ли бы она, осторожная и умная, быть со мною въ такихъ короткостяхъ и откровенностяхъ? Мнѣ кажется, она до сихъ поръ смотрѣла на меня, какъ та древняя императрица, которая стала раздѣваться при своемъ невольникѣ, считая его не за человѣка. Да, она много разъ считала меня не за человѣка...

Однакожъ, у меня было ея порученіе — выиграть на рулеткѣ, во что бы ни стало. Мнѣ некогда было раздумывать: для чего и какъ скоро надо выиграть и какія новыя соображенія родились въ этой вѣчно считающей головѣ? Къ тому же въ эти двѣ недѣли очевидно прибавилась бездна новыхъ фактовъ, объ которыхъ я еще не имѣлъ понятія. Все это надо было угадать, во все проникнуть, и какъ можно скорѣе. Но, покамѣстъ, теперь было некогда: надо было отправляться на рулетку.

ГЛАВА II.

Признаюсь, мнѣ это было непріятно; я хоть и рѣшилъ, что буду играть, но вовсе не располагалъ начинать для другихъ. Это даже сбивало меня нѣсколько съ толку, и въ игорныя залы я вошелъ съ предосаднымъ чувствомъ. Мнѣ тамъ, съ перваго взгляда, все не понравилось. Терпѣть я не могу этой лакейщины въ фельетонахъ цѣлаго свѣта и пре-

имущественно въ нашихъ русскихъ газетахъ, гдѣ почти каждую весну наши фельетонисты рассказываютъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о необыкновенномъ великолѣпіи и роскоши игорныхъ залъ въ рулеточныхъ городахъ на Рейнѣ, а во-вторыхъ — о горахъ золота, которыя, будто бы, лежатъ на столахъ. Вѣдь не платятъ же имъ за это; это, такъ просто, рассказывается изъ безкорыстной угодливости. Никакого великолѣпія нѣтъ въ этихъ дрянныхъ залахъ, а золота не только нѣтъ горами на столахъ, но и чуть-чуть-то едва ли бываетъ. Конечно, кой-когда, въ продолженіе сезона, появится вдругъ какой нибудь чудакъ, или англичанинъ или азіатецъ какой нибудь, турокъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и вдругъ проиграетъ или выиграетъ очень много; остальные же всѣ играютъ на мелкіе гильдены и, среднимъ числомъ, на столѣ всегда лежитъ очень мало денегъ. Какъ только я вошелъ въ игорную залу (въ первый разъ въ жизни), я нѣкоторое время еще не рѣшался играть. Къ тому же тѣснила толпа. Но еслибъ я былъ и одинъ, то и тогда бы, я думаю, скорѣе ушелъ, а не началъ играть. Признаюсь, у меня стучало сердце и я былъ не хладнокровенъ; я навѣрное зналъ и давно уже рѣшилъ, что изъ Рулетенбурга такъ не выѣду; что нибудь непременно произойдетъ въ моей судьбѣ радикальное и окончательное. Такъ надо, и такъ будетъ. Какъ это ни смѣшно, что я такъ много жду для себя отъ рулетки, но мнѣ кажется, еще смѣшнѣе рутинное мнѣніе, всѣми признанное, что глупо и нелѣпо ожидать чего нибудь отъ игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добыванія денегъ, напримѣръ хоть торговли? Оно правда, что выигрываетъ изъ сотни одинъ. Но — какое мнѣ до того дѣло?

Во всякомъ случаѣ, я опредѣлилъ сначала присмотрѣться и не начинать ничего серьезнаго въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ, еслибъ что и случилось, то случилось бы нечаянно и слегка, — и я такъ и положилъ. Къ тому же, надо было и самую игру изучить; потому что, не смотря на тысячи описаній рулетки, которыя я читалъ всегда съ такою жадностію, я рѣшительно ничего не понималъ въ ея устройствѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ.

Во-первыхъ, мнѣ все показалось такъ грязно, — какъ-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадныя и безпокойныя лица, которыя десятками, даже сотнями, обступаютъ игорные столы. Я рѣшительно не вижу ничего грязнаго въ желаніи выиграть поскорѣе и побольше; мнѣ всегда казалась очень глупою мысль одного отѣвшагося и обезпеченнаго моралиста, который на чье-то оправданіе: что «вѣдь играютъ по маленькой», отвѣчалъ — тѣмъ хуже, потому что мелкая корысть. Точно: мелкая корысть и крупная корысть — не все равно. Это дѣло пропорціональное. Что для Ротшильда мелко, то для

меня очень богато, а на счетъ наживы и выигрыша, такъ люди и не на рулеткѣ, а и вездѣ только и дѣлають, что другъ у друга что нибудь отбивають или выигрываютъ. Гадки ли вообще нажива и барышъ, — это другой вопросъ. Но здѣсь я его не рѣшаю. Такъ какъ я и самъ былъ въ высшей степени одержанъ желаніемъ выигрыша, то вся эта корысть, и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мнѣ, при входѣ въ залу, какъ-то сподручнѣе, родственнѣе. Самое милое дѣло, когда другъ друга не церемонятся, а дѣйствуютъ открыто и на распашку. Да и къ чему самого себя обманывать? Самое пустое и не расчетливое занятіе! Особенно некрасиво, на первый взглядъ, во всей этой рулеточной сволочи, было то уваженіе къ занятію, та серьезность, и даже почтительность, съ которыми всѣ обступали столы. Вотъ почему здѣсь рѣзко различено, какая игра называется *mauvais gen'*омъ и какая позволительна порядочному человѣку. Есть двѣ игры, одна — джентльменская, а другая плебейская, корыстная, игра всякой сволочи. Здѣсь это строго различено и — какъ это различіе въ сущности подло! Джентльменъ, на примѣръ, можетъ поставить пять или десять лудировъ, рѣдко болѣе, впрочемъ можетъ поставить и тысячу франковъ, если очень богатъ, но собственно для одной игры, для одной только забавы, собственно для того, чтобы посмотрѣть на процессъ выигрыша или проигрыша; но отнюдь не долженъ интересоваться самымъ выигрышемъ. Выигравъ, онъ можетъ, на примѣръ, вслухъ засмѣяться, сдѣлать кому нибудь изъ окружающихъ свое замѣчаніе, даже можетъ поставить еще разъ, и еще разъ удвоить, но единственно только изъ любопытства, для наблюденія надъ шансами, для вычисленій, а не изъ плебейскаго желанія выиграть. Однимъ словомъ, на всѣ эти игорные столы рулетки и *trente et quarante* онъ долженъ смотрѣть не иначе, какъ на забаву, устроенную единственно для его удовольствія. Корысти и ловушки, на которыхъ основанъ и устроенъ банкъ, онъ долженъ даже и не подозрѣвать. Очень и очень не дурно было бы даже, еслибъ ему, на примѣръ, показалось, что и всѣ эти остальные игроки, вся эта дрянь, дрожащая надъ гульденомъ, — совершенно такіе же богачи и джентльмены какъ и онъ самъ, и играютъ единственно для одного только развлеченія и забавы. Это совершенное незнаніе дѣйствительности и невинный взглядъ на людей были бы, конечно, чрезвычайно аристократичными. Я видѣлъ, какъ многія маменьки выдвигали впередъ невинныхъ и изящныхъ, пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ миссъ, своихъ дочекъ, и, давши имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, учили ихъ, какъ играть. Барышня выигрывала или проигрывала, непременно улыбалась и отходила очень довольная. Нашъ генералъ солидно и важно подошелъ къ столу; лакей бросился было подать ему стулъ, но онъ не замѣтилъ лакея; очень долго вынималъ кошелекъ, очень долго вынималъ